

Ду Ань рассмеялся:

— Это и понятно. С тех пор как мы переехали в вашу деревню, жизнь налаживается день ото дня, и жаловаться действительно не на что. Просто мы уже однажды обожглись, поэтому, завидев женщину, норовим держаться от неё подальше, лучше уж вообще никаких связей не заводить. Честно говоря, мы от души рады, что вы так же смотрите на это.

До Праздника Дуанью оставалось всего два дня. В Яньбэе его ещё называли Праздником Пятого месяца.

В Яньбэе Дуанью, конечно, отмечали не так шумно, как на юге. Хотя бы потому, что рек здесь мало, людей, умеющих плавать, — тоже, да и место не самое оживлённое, поэтому таких зрелищ, как гонки на лодках-драконах, здесь не водилось. Но всё же Дуанью считался важным праздником, знаменующим начало лета, днём, когда каждая семья прогоняла нечисть и оберегалась от ядовитых тварей, а потому отмечали его с должной серьёзностью.

Несколько взрослых из двух семей размышляли, что после Праздника Пятого месяца начнётся прополка: закончишь первую — тут же подступает вторая и третья, так что, пожалуй, до самого конца летней жары отдохнуть не придётся. Хоть они уже и наняли работников, самим всё равно нужно постоянно быть на поле, чтобы те не ленились и не обманывали. Предстояло потрудиться. К тому же теперь, когда Чжао Ба и Фан Шэн высказали свои заветные мысли, на душе у них стало легко, а двое из семьи Ду втайне обрадовались, поняв, что старшие братья не отдалятся от них из-за женитьбы. Так что все пребывали в настроении как следует отпраздновать.

Для деревенских праздник — это прежде всего дело практическое, поэтому «как следует отпраздновать» значило в основном хорошо поесть. На Дуанью все ели цзунцзы, так что главной заботой стало их приготовление.

Листья тростника для цзунцзы и свежий клейкий рис прошлого урожая уже вымыли и замочили. Кроме того, Фан Шэн раздобыл прошлогодние листья малана, тоже замочил — они годились для перевязки. Малан рос почти у каждого дома, осенью вызревшие листья срезали и сушили в подсобке, в тени, — выходило отличное крепкое связочное средство.

Чжао Ба с Фан Шэном раньше делали в основном простые цзунцзы из белого риса, только из клейкого риса, без ничего; сварить, очистить, обмакнёшь в сахар — и ешь. Теперь же, когда в семье Ду оказались знатоки еды, о цзунцзах можно было не беспокоиться — им оставалось лишь помочь с начинкой да дождаться, когда будет готово.

Ду Чжунпин хоть и не умел готовить, но был гурманом. Все смотрели, как он, загибая пальцы, перечислял: щелочные цзунцзы, с пастой из красной фасоли, со свежим мясом, с каштанами, с красными финиками, с яичным желтком, цзунцзы «восемь сокровищ»... Список получался внушительным.

Ду Ань поначалу слушал, но Ду Чжунпин говорил всё больше и всё несуразнее, даже не подумав, сколько же всего людей в доме, и предлагал такое разнообразие, будто нарочно старался всех запутать.

Ду Ань просто оставил Ду Чжунпина в покое, позволил ему бормотать, а сам с Фан Шэном и Чжао Ба посоветовался и решил: сделать несколько простых цзунцзы с белым рисом, а остальные — только с пастой из красной фасоли и со свежим мясом. Во-первых, эти начинки проще приготовить: красная фасоль своя есть, свежее мясо можно купить. Во-вторых, такие начинки больше по вкусу всем. Да и погода уже становилась жаркой, если наготовить много —

не съедит, пропадёт.

Поскольку в доме был маленький Цзинь-эр, на Праздник Пятого месяца нужно было приготовить разноцветные нити, их ещё называли «нитьями долголетия». Их надевали на детей, чтобы отогнать злых духов, защититься от ядовитых тварей и обеспечить благополучие. Говорили, если носить их до шестого числа шестого месяца, а потом срезать и бросить в воду, все детские хвори уплывут вместе с ними. Очень хорошая примета.

Фан Шэн заранее раздобыл у разносчика ниток целые мотки самых разных цветов. По прикидкам Ду Чжунпина, этих ниток Цзинь-эру хватило бы до старости! Высказав это вслух, Фан Шэн и сам рассмеялся: раньше рядом не было детей, откуда ж ему знать, много это или мало?

В общем, оставив долю для Цзинь-эра, остальные разноцветные нити раздали школьникам — каждому досталось. Даже Дачжу и другим одиннадцати-двенадцатилетним, которые мнили себя взрослыми, Чжао Ба навязал их на запястья и шеи. Чжао Ба раньше никогда с детскими обрядами дела не имел, и ему это дико нравилось. Что до Цзинь-эра, Фан Шэн тщательно выбрал самые яркие цвета, аккуратно измерил обхват его запястий, лодыжек и шеи, сделал нити чуть длиннее, приготовил и бережно убрал, чтобы утром пятого числа сразу надеть.

Настало пятое число. С самого утра все поднялись. Рассветало теперь всё раньше, так что даже Ду Чжунпину не удалось понежиться в постели.

Ду Ань сначала вышел во двор, нарвал полыни. Её нужно было воткнуть на карнизы, оконные рамы и дверные косяки обоих домов. Потом отобрал чистые стебли, обрезал корни и целиком бросил в котёл вариться. Когда вода закипела, он зачерпнул немного, разбавил холодной водой, раздел Цзинь-эра догола и окунул с головой в таз. Говорили, искупавшись в полынной воде, целый год не будешь знать укусов насекомых. Цзинь-эр уже начинал стесняться, и когда Ду Чжунпин вытащил его из воды, мальчик сам прикрыл рукой свою причинное место. Чжао Ба нарочно пытался отодвинуть его пальцы, чем вызывал громкие вопли. Обтерли, одели — и Фан Шэн достал заранее приготовленные разноцветные нити, повязал на ребёнка. Цзинь-эру яркие нитки очень понравились, он даже пытался их теревить. Ду Чжунпин поспешил предупредить: не снимай, а то заболеешь, придётся горькое лекарство пить. Перепуганный Цзинь-эр то и дело трогал нитки, проверяя, на месте ли.

Справившись с Цзинь-эром, и взрослые омылись полынной водой — для порядка.

Завтрак был простым: яйца, сваренные в полынном отваре, белая каша да солёные овощи. Поев, все занялись цзунцзами.

В тот день Ду Чжунпин дал ученикам выходной, но вскоре после завтрака за Цзинь-эром пришли дети старосты и Второго брата Ли — Ли Даню. Ли Даню теперь жил у тётки, чтобы не бегать каждый день несколько ли. Ду Чжунпин сунул Цзинь-эру в карман два варёных яйца и отпустил играть, чтобы взрослые могли спокойно возиться с цзунцзами. Цзинь-эр сначала норовил помочь, но только расплёскивал воду по полу и путался под ногами.

Дети в этот день обычно получали несколько яиц, сваренных в полынном отваре. Они не спешили их съесть, подолгу играли с ними, а то и до самого вечера домой несли целыми! Ребятишки часто собирались вместе и устраивали состязания: стучали яйца друг о дружку, тупым концом о тупой, острым об острый, — чьё уцелеет. Если у кого-то находилось яйцо, способное победить все прочие, это было великой честью.

Ду Чжунпин специально купил для Цзинь-эра яйца от молодых курочек-первогодок. Яйца были

помельче, зато скорлупа — невероятно крепкая! Цзинь-эр наверняка целый день будет героем среди сверстников.

Стоит сказать, что не многие дети могли позволить себе есть яйца когда вздумается, поэтому в праздник каждый норовил выбрать покрупнее. Цзинь-эр, тоже не любивший оставаться внакладе, сперва заикался, получив маленькое яйцо, но Ду Чжунпин улёг его словами: большим — большие яйца, маленьким — маленькие. Фан Шэн с Чжао Ба ничего не знали и решили, что Ду Чжунпин боится, как бы Цзинь-эр не наелся яиц и не отказался потом от обеда. Они весело крикнули ему вдогонку: «Возвращайся пораньше, вкусенького поесть!» Ду Ань же, взглянув на выражение лица Ду Чжунпина, сразу смекнул, что тот опять морочит ребёнку голову. Он приподнял бровь, словно говоря: «Малого обманываешь, не стыдно?» Ду Чжунпин сделал вид, что не заметил, и уселся заворачивать цзунцзы.

Но умение у него было никудышное: у других цзунцзы выходили чёткими, угловатыми и тугими, а у него получались плоскими, да ещё и рис из щелей высыпался. Ду Ань вынужден был отстранить его, а потом разобрал и переделал все цзунцзы, которые тот успел завернуть.

Не успели свои цзунцзы сварить, как ученики один за другим начали приносить свои. Пришлось одаривать их в ответ, но, к счастью, наготовили много. На душе было тепло: какой бы ни был вкус, подарок от ученика — это особо.

Свои цзунцзы, конечно, удались на славу. С пастой из красной фасоли — красно-белые, сладкие, мягкие и липкие. Со свежим мясом специально клали немного сала, и когда они сварились, весь жир впитался в рис, — на вкус вышло солоновато-ароматно, но совсем не приторно. Эти цзунцзы пользовались наибольшей любовью.

<http://bllate.org/book/16286/1467597>